

К ВОПРОСУ ОБ ОБРЯДНОСТИ И АТРИБУТИКЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ СВАДЕБНОЙ ЦЕРЕМОНИИ

У статті автор реконструює ритуал весільної церемонії в Візантійській імперії, розкриває сенс весільних символічних обрядових дій. Аналіз джерел приводить до висновку про розвиток православного весільного ритуалу Візантії, який характеризувався воцерковленням народного обряду і адаптацією його для цілей держави і церкви. Крім того, порівняння обрядовості, атрибутики і традицій візантійського весілля показує їх взаємозв'язок з весільними звичаями широкого кола народів, що населяли малоазійсько-балкансько-чорноморський регіон.

Исследования свадебных обычаев, церемониала и атрибутики у различных народов мира эпохи средневековья были и остаются объектом изучения медиевистики. Объяснение этому содержится в том факте, что именно свадебный ритуал отражает культурный код цивилизации, дает возможность составить достоверное представление о системе взглядов того или иного народа в духовной сфере. При этом этноидентификация достигает максимума и не определяется социальными или иными признаками, т. к. свадебный ритуал имущих и бедных слоев населения отличается скорее размахом и масштабами, чем обрядностью и атрибутикой, а тем более семантической и традиционалистской нагрузкой. Исследователь получает срез менталитета в "чистом" виде, без дополнительных смысловых искажений в виде социально-дифференцирующих поведенческих девиаций.

Все вышесказанное в полной мере относится и к обряду свадьбы средневековой Византийской империи. Специфика исследований в данной сфере состоит в том, что анализ ритуала заключения брака в этом государстве позволяет судить не только о глубинных процессах в социальной психологии и ментальности народов империи, но и дает конкретно-исторический материал об укреплении и развитии православной обрядности во всех областях жизни и быта населения. Наконец, тема интересна еще и потому, что именно византийский образец лежит в основе современной украинской свадебной церемонии, особенно церковного венчания.

Источниковая база проблемы достаточно обширна и предоставляет богатый материал для научного анализа и обобщения. Естественно, в первую очередь в источниках отражена свадебная обрядность императорской четы и высших слоев византийской знати. Эти события, нерядовые для любой империи, традиционно находились в центре внимания средневеко-

вых историографов [7]. Народные свадебные традиции отражены в источниках историографического характера не столь широко, гораздо подробнее представлены сведения из области брачного права и законодательства.

Кроме того, весьма пространен пласт источников по истории церковной обрядности и, прежде всего, ряд документов, содержащих подробно разработанный чин церковного обручения и венчания. Изучение этих документов дает представление о последовательной разработке церковного свадебного церемониала византийского православия. Поскольку только на самых ранних стадиях существования империи ромеев брак мог не носить церковного характера, изучение регламентов патриархии и православной церкви в целом дает немало важной информации по поводу народных свадебных обычаев в целом [17; 12].

Чрезвычайно ценным источником как для изучения быта византийцев в целом, так и для исследуемой темы в частности является эпическая поэма "Дигенис Акрит", написанная в X-XI вв. [4]. Созданная на базе неизвестных нам фольклорных песен, поэма, по мнению большинства исследователей, весьма точно отражает особенности свадебного обряда, причем поскольку действие происходит в приграничном районе, свадьба главных героев поэмы - воина Дигениса Акрита и Евдокии, дочери стратига Дуки, имеет не только православные, но и некоторые мусульманские черты. Анализ сюжета, связанного со свадьбой героев, дает яркое представление о взаимодействии и взаимовлиянии различных культур и свидетельствует о том, что жители империи не всегда враждовали с окружающими нехристианскими народами.

Наконец, определенное значение для нашей темы имеют этнографические источники. Свадебные обряды греков, русских, украинцев, даже татар и турок своими корнями восходят к византийской свадебной церемонии.

В нашей статье мы не будем останавливаться на социально - компенсаторном значении свадьбы как составной части государственной внутренней (а в случае женитьбы императорских особ - и внешней) политики; мы только отчасти и только в связи с ритуалом коснемся правовых и религиозных норм и регламентов, касающихся византийского брака и не будем сосредотачиваться на имеющихся спорных проблемах. На базе имеющихся источников и исследовательских работ автор намерен реконструировать ритуал свадебной церемонии и раскрыть смысл тех или иных действий с точки зрения византийских представлений о символике и счастливых предзнаменованиях.

Итак, брачный возраст для византийцев наступал весьма рано. Минимальный возраст для брака был установлен Кодексом Юстиниана: четыр-

надцать лет для мужчин и двенадцать для женщин [6, с. 170]. Заключение брака предшествовал определенный период подготовки, который включал в себя в первую очередь договоренность между родителями жениха и невесты и, как объявление намерений - обряд обручения, от момента которого до свадьбы могло пройти длительное время, которое использовалось семьями для подготовки к торжественному событию в жизни молодых.

Уже в этот период было принято обмениваться подарками и создавать в ходе общения праздничную атмосферу. Вот как описывает встречу с невестой Дигениса Акрита одноименная поэма: узнав о приближении сына с невестой, эмир устраивает торжественную встречу: он выезжает к ним с пятью дядьями Дигениса и тремя тысячами отроков. Они берут с собой специально приготовленные женские седла с уздечками и движутся навстречу новобрачным под звуки различных музыкальных инструментов - рогов, труб, барабанов. При встрече эмир спускается с коня, обнимает жениха и невесту, благословляет Дигениса; затем девушку сажают на седло, осыпанное жемчугом, возлагают на нее драгоценный венец, и каждый из родных жениха наделяет ее бесценным подарком. Снова играют рога, трубы, барабаны, кифары, и вся процессия с пением направляется к дому. Наступает всеобщее ликование. Навстречу выходит из дома толпа женщин - впереди бабка и мать Дигениса. Нарядные служанки несут цветы, розы, миртовые ветви; они ударяют в кимвалы и воспевают новобрачных. Земля устлана миртом, лавром, розами, нарциссами, ароматными цветами. Свекровь заключает невесту в объятия и с почтением вручает ей дар превосходной работы. Не менее богатые подарки ждут и жениха в доме невесты (но они уже, судя по всему, входят в приданое). Отец невесты - византийский стратиг - дарит жениху 12 вороных коней, 12 прекрасных кобыл, столько же мулов с драгоценными седлами и уздечками, отделанными серебром и жемчугом; 12 молодых конюхов, опоясанных золотыми поясами; 12 охотничьих леопардов, 12 белоснежных ловчих птиц из Абасгии, по 12 малых и обычных соколов, две драгоценные иконы святого Феодора, роскошный шатер, украшенный изображениями зверей (шатер этот с шелковыми шнурами и серебряными шестами); два арабских копыя и знаменитый меч Хосрова [4, с. 190-198].

В таком жанре как эпическая поэма преувеличения являются обязательным элементом, но из этого описания церемонии, в которой авторы, по-видимому, воплощали некий идеал, можно понять, что, чем многочисленнее и дороже были подарки, тем большее признание вызывал такой свадебный обряд у византийцев.

Итак, время ожидания для жениха и невесты заканчивалось, и наступал день свадьбы. Пока молодожены одевались, в их честь исполнялись

специальные песни. Особое внимание естественно придавалось одежкам молодых. Византийские невесты носили красное шелковое платье, вышитое золотом и драгоценными камнями. По сравнению с римским, византийское свадебное платье было усовершенствовано: появились полноценные рукава, в наряде присутствовала многослойность - надевали несколько одежд сразу, одна на другую. Друзья и подружки молодых нередко одевались в специальную одежду с изображением глаза, который должен защитить молодую пару от неудач - этот обычай сохранился и в современных греческих свадьбах [1, с.36].

До нашего времени дошел и другой обычай византийцев. В некоторых сельских областях Греции свадебную постель готовят особым образом: по традиции, по постели должны сначала побегать маленькие дети. Постель для первой брачной ночи обычно стелила родственница со стороны невесты, например ее крестная мать. Под перину насыпались зерно или оливки. По поверьям, благодаря этому у молодоженов должно было появиться изобилие, а также здоровое и многочисленное потомство [10, с.154].

Одежды гостей были по преимуществу белого цвета [9, с.160-161]. На этом фоне ярким пятном выделялся жених, появлявшийся в сопровождении музыкантов и зачастую одетый в наряды принятого в империи фиолетового цвета. В "Дигенисе Акрите" говорится, что жених получил от тещи на свадьбу множество шелковых одежд, драгоценных поясов, четыре золотых белых головных платка и шитый золотом плащ, украшенный изображениями традиционных для византийской геральдики грифов [11, с.154].

Важным моментом на свадьбе считалась первая встреча молодых. До этого момента голова и лицо невесты были закрыты вуалью, что не совсем характерно для христианства и возможно связано с тюркско-исламским влиянием. Когда жених приближался к своей нареченной, она открывала лицо. Случалось и так, что жених видел лицо невесты в первый раз, хотя нередко помолвленные дети росли и воспитывались в одном доме. Интересным подтверждением мусульманского происхождения этого обычая может быть то, что свадьба Дигениса Акрита и Евдокии - в некотором роде межэтническая, потому что Дигенис - сын арабского эмира и гречанки. Возможно, поэтому эмир дарит будущей невестке *Θεωρετρον* - подарок, вручаемый отцом жениха невесте, когда та впервые открывала лицо [11, с.154].

Таким подарком мог быть платок, роль которого на начальных стадиях свадебных обрядов у народов, населявших Малую Азию, была весьма велика. Возможно, отголоски этого мы находим в свадебных обычаях крымских татар, у которых предсвадебных платков было несколько, и они отличались своим узким назначением, цветом, размером, особенностями украшения и были связаны с разными участниками обряда. Платок служил

своего рода признанием в чувствах, когда во время танцев на чьей-либо свадьбе юноша дарил платок впервые увиденной им и понравившейся ему девушке. Причем этот платок был не вышитым. И если молодой человек вызывал у девушки ответные чувства, то через некоторое время она возвращала ему этот платок уже вышитым [14, с.47].

Заметным атрибутом византийской свадьбы были также монеты. Они были важной частью костюма невесты. Возможно, существующий на современных греческих свадьбах специальный "танец денег", во время которого гости, танцующий и с невестой и с женихом, прикрепляют деньги к их одежде, имеет отношение к византийской традиции [1, с.54].

Любопытный отголосок связи с византийским прошлым мы находим в украинской свадебной атрибутике. И у нас свадебный наряд невесты было принято украшать золотыми изделиями, изготавливаемыми зачастую из крупных золотых монет. Традиционное название такого украшения - дукач [3, с.165]. Слово это, предположительно, произошло от родового византийского имени Дука, которое носили византийские императоры Константин X и его сын Михаил VII.

Возвращаясь к теме византийской свадьбы, перейдем теперь к анализу церковной части церемонии. Историки сходятся в том, что, скорее всего, до конца IX века византийские браки заключались как гражданские союзы с соответствующим юридическим оформлением, но без участия церкви, хотя благословение свадеб известно с древнейших времен и о нем рассказывают церковные авторы II-III веков. Церковное венчание как обряд входит в народную жизнь лишь с IX века [16, р. 100].

Окончательно участие церкви в свадебной церемонии было оформлено императорами Львом IV Мудрым и Алексеем Комнином. "Мы в настоящее время также повелеваем, - постановлял Лев IV, - чтобы браки утверждались священным благословением"[15, р.297]. Однако указанная новелла Льва была создана в рамках и традициях древнего римского права, предоставляя право на законный брак с церковным благословением только свободным гражданам. Лишь два столетия спустя в 1095 г. император Алексей Комнин, мотивируя свое решение формулой "один Господь, одна вера, одно крещение", предоставил право законно заключать браки в церкви и рабам [18, novel 74].

Получив право и обязанность официального участия в свадебном обряде, православная церковь, судя по всему, отнюдь не покушалась на сложившиеся традиции и практику заключения брачного союза. Во многих византийских церковных регламентах упоминается о том, что во время церковной церемонии вместе с Евангелием и кольцами, но не на алтаре, а на специальном столике в центре храма находился и «μνηστρα», т. е. брачный договор, в котором определяются условия будущего брака. По отно-

шению к древней традиции предварительной договоренности между родителями жениха и невесты церковь оставалась нейтральной и факт присутствия брачного контракта во время церемонии в храме скорее свидетельствует о полном согласии церковного регламента с обычной для того времени гражданской практикой [16, р. 102].

Важное место в ритуале венчания занимал такой атрибут как кольцо. Эти украшения не потеряли своего символического значения до сих пор и значение это имеет многочисленные толкования и расшифровки. Так, в литературе можно встретить утверждение, что круглая форма кольца означает вечность и неразрывность супружеского союза; что два одинаковых по форме кольца должны были подчеркнуть единство супругов в браке; что именно кольцо-перстень с древности служили знаком утверждения, печатью и в церемонии свадьбы символически скрепляли союз молодоженов. Представляется, что все или большинство из этих толкований в определенной мере справедливы, поскольку за тысячелетия пребывания в сфере значимых для человеческих цивилизаций сакральных символов кольцо и должно было приобрести множество значений.

В отличие от современных, кольца жениха и невесты в Византии изготавливались из различных материалов, обычно из золота и серебра или золота и железа, а также из бронзы, меди, с применением черной эмали. Кольцо из более дорогого металла - золота - приносил жених. Возможно, что в данном обычае заложена мысль о неравенстве мужа и жены в браке, что нивелировалось обычаем обмениваться кольцами, и, получая кольцо другого, каждый из молодоженов получал залог верности и любви. Особой популярностью при оформлении свадебных колец и перстней пользовались сюжеты с изображениями святых и формулы, обычные для амулетов и талисманов. Традиционными были следующие варианты: на щитке в форме круга, креста или квадрифолия размещены изображения жениха и невесты, расположенные по сторонам центральной фигуры Христа, который благословляет их накладыванием своих рук им на головы, либо соединяет руки жениха и невесты, или держит над их головами венцы. Иногда присутствует фигура Богородицы, которая благословляет невесту, а Христос - жениха. Часто центральная фигура Спасителя заменяется изображением креста, по сторонам которого находятся поясные фигуры жениха и невесты. Там же часто присутствует греческая надпись ΟΜΟΝΟΙΑ (согласие) или ΕΚ ΟΕΟΥ ΟΜΟΝΟΙΑ (от Бога согласие). Несколько реже - ΧΑΡΙΣ (благодать) и ΥΓΙΕΙΑ (здоровье). Это традиционные свадебные пожелания, которые всегда понимаются как "от Бога...", даже если эта фраза отсутствует [13, с. 14].

В семьях без большого достатка свадебная атрибутика выглядела значительно скромнее. К XIII столетию относится простое трехгранное кольцо,

хранящееся в музее Нюрнберга. Оно было найдено в могильнике, а доказательством того, что это свадебный атрибут, является надпись на внутренней стороне: "Во мне верность" [8, с. 126].

Еще одним неизменным атрибутом церковного обряда являлся венец. Пожалуй, ни у кого из исследователей, как светских, так и церковных, нет сомнений в античных корнях этого важного культового предмета. В византийской обрядности он быстро приобрел новый образ - вместо лиственного или цветочного веночка византийский венец всё больше уподоблялся короне, осыпанной драгоценностями (например, на мозаиках Равенны; в росписях церкви Сант - Апполинаре) [5, с. 598].

Венцы на головах молодоженов обычно символически трактуются как царские (в новосозданной семье молодые будут как бы царями и основателями рода). Интересным отличием византийского церковного чина было то, что обряд снятия венцов не осуществлялся в церкви, как сейчас, а происходил в доме жениха, состоял из комплекса специальных молитв и совершался через несколько дней (от 3 до 8 по разным источникам). Объяснение этому состоит в том, что венцы, как и практически все другие элементы свадебной атрибутики в церковь приносили сами новобрачные, а задачей священника было благословение брака. Конечно же, разброс в атрибутике "богатых" и "бедных" свадеб был весьма велик. Нет сомнений в том, что на свадьбах бедняков в качестве венца использовался обычный венок из цветов. Возможно, стремление избежать неравенства в чине венчания привело к тому, что в наше время венцы для обряда венчания предоставляются храмом [2, с.345].

Так же как и сегодня в обряде венчания использовался разостланный кусок материи, на который вступали молодые в знак того, что участь их будет одинакова как в счастье, так и в горе. Свечи в руках жениха и невесты становятся частью церемонии обручения лишь к XV веку и в византийской свадебной обрядности не использовались. В чин церковного венчания не входил также кажущийся столь естественным вопрос о намерении заключить брак, адресованный жениху и невесте (болгарская и румынская православные церкви до сих пор совершают венчание без этих формул) [5, с. 344-346].

Наконец, распространенным, хотя и, судя по всему, не всеобщим обычаем средневековой Византии, было испытание молодыми чаши, которое совершалось у алтаря. После того, как вино было выпито, чаша эта разбивалась. В наши дни этот обычай ушел из церкви, но процветает в ходе домашних празднеств, символизируя пожелания счастья и удачи. Церковь же отказалась от этой части ритуала прежде всего потому, что чаша в христианском богослужении служит для причащения, которое проводится в ходе свадебного обряда, и манипуляции с двумя чашами - одной для

причастия, второй для "разбития" явно причиняли священнослужителям неудобство и были неприемлемы с точки зрения почитания христианских святынь [16, с. 102-103].

Церковная церемония заканчивалась, и вся свадьба, вместе со священнослужителями, под звуки музыки и пение свадебных гимнов возвращалась в дом жениха. Во время пира гостей развлекали мимы, флейтисты, танцовщицы, представления которых в какой-то момент могли потерять пристойность, чему не могло помешать даже присутствие священника. "Не подобает освященным, или причетникам зрети позорищныя представления на браках или пиршествах: но прежде вхождения позорищных лиц воставати им и отходити"[8, с. 108].

Веселье продолжалось не один день. Неоднократно упоминаемый нами "Дигенис Акрит" сообщает, что свадьба героев поэмы в доме жениха справлялась три месяца, а затем стратиг Дука вместе со своими новыми родственниками вернулся домой и справил у себя новую свадьбу - еще веселее первой [4, с. 110].

Таким образом, даже первое приближение к теме обрядности, атрибутики и традиций византийской свадьбы показывает их взаимосвязь со свадебными обычаями широкого круга народов, населявших малоазийско-балканско-черноморский регион. И если эта связь с церемониалом православных народов не вызывает особых вопросов, то определенные, пусть и косвенные данные о сходстве византийской свадьбы с традиционными обрядами мусульманских, и прежде всего тюркских народов кажется на первый взгляд парадоксальными. Однако дополнительное выяснение обстоятельств жизни этих народов, протекавшей в условиях приграничья, которое предоставляло широкие возможности не только для вражды, но и для сотрудничества, позволяет понять, что подобные отголоски представляют собой закономерный этап веков сожительства.

Не вызывает сомнений и тот факт, что православный свадебный ритуал Византийской империи пережил длительный многовековой этап развития, характеризовавшийся воцерковлением народного обряда и адаптацией его для целей государства и церкви. При этом мы считаем, что данный сложный процесс протекал в условиях большей, чем можно было бы ожидать, зная историю Византийской церкви, толерантности ее по отношению к народной обрядности и античным установкам.

Возможно, следует изменить акценты при оценке границ терпимости в традиционных для наших представлений ментальных оппозициях типа православие - ислам, церковь - народные традиции. Однако данный вывод носит самый предварительный характер и нуждается в детальных дополнительных исследованиях.

Источники и литература

1. Богадица Т.К.Обрядовый фольклор греков Приазовья. -Мариуполь: Издательство Федерации греческих обществ Украины, 2003.-182 с.
2. Венец//Православная энциклопедия /Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. -Т.7-М. :Церковно-научный центр "Православная энциклопедия", 2004.-752 с.
3. Воропай О. Звичаї нашого народу: етнографічний нарис - К. : Велес, 2009. - 432 с.
4. Дигенис Акрит / перевод А.Я. Сыркина. - М.: Изд. Акад. наук СССР, 1960. - 218 с.
5. Желтов М. С. Венчание брака/ Православная энциклопедия.Т.7. -М.: Церковно-научный центр "Православная энциклопедия", 2004. -540 с.
6. Институтции Юстиниана / Пер. Д.Раснера.-М.: Зерцало,1998.
7. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / пер. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского. -М., 1884.
8. Литаверин Г.Г.Как жили византийцы. -СПб.: Алетейя, 2006, -256 с.
9. Поляковская М.А.,Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. -Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989.-304 с.
10. Пономарева І. С. Етнічна історія греків Приазов'я (кінець XVIII - початок XXI ст.). Історико-етнографічне дослідження. - К.: Реферат, 2006. - 300 с.
11. Сыркин А.Я. Сведения "Дигениса Акрита" о византийском быте и памятниках материальной культуры // Византийский временник. Вып. XXI, 1962. -С.148-164.
12. Творения преп. Федора Студита. -Спб.: Изд. Спб. духовной академии,1867-69.
13. Федоров Ю. Беседы о церковном ювелирном искусстве / Беседа 2. "Господи, яко оружием благоволения венчал еси нас" (из истории обручальных перстней) // "Московский Ювелир". №8, 2004.
14. Шерфединов Я. Звучит Кайтарма. -Ташкент: Изд. лит. и иск., 1979. -124 с.
15. Les Nouvelles de Lion VI le Sage /ed. P. Noailles and A. Dain. -Paris, 1944, p. 297.
16. Meyendorff J.Christian Marriage in Byzantium: The Canonical and Liturgical Tradition // Dumbarton Oaks Papers, Vol. 44, 1990, p. 99-107.
17. Michael Cerularius. Letter I to Peter of Antioch / Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae compositae. - Leipzig, 1861.
18. Novellae constitutiones imperatorum post Justinianum quae supersunt collatae et ordine chronologico digestae // Jus Graeco-Romanum. C.E.Zachariae e Lingenthal. -Lipsiae, 1857.